

Альтернативы для России: каким видят будущее страны сторонники и противники перемен

ДЕНИС ВОЛКОВ, АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ, АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН

Российская власть находится в тупике целеполагания. В каких обстоятельствах будет жить в обозримом будущем нынешнее поколение российских людей, решительно неизвестно. Известно лишь, что Владимир Путин оставил за собой возможность править страной до 2036 года. Однако увеличение сроков правления автократа трудно признать формированием внятного образа будущего и уж тем более целью развития страны.

Обнародованные властью так называемые «национальные цели» едва ли вдохновляют широкие массы, если им вообще об этих целях что-то по-настоящему известно. Сами же поставленные задачи кажутся невыполнимыми — например, существенное увеличение численности населения России или снижение уровня бедности в два раза¹. Инсайдеры во власти утверждают: позиция президента сводится к тому, что главное — иметь цель. Ее достижение совсем уж принципиального значения не имеет. Не говоря уже о том, что реализация целей сдвинута за го-

ризонт 2024 года — на 2030-й. Это задачи, скорее всего, другого правительства и, быть может, другого президента.

Впрочем, проблема постановки цели для государства и, главное, общества гораздо шире обозначенных в указе президента формальных показателей, на которые к тому же мало кто, кроме чиновников, обращает внимание. Строительство коммунизма или, наоборот, выход из коммунизма были вполне внятными и ясными для общества «маяками». Как, впрочем, и возвращение «величия России», достигнутое за счет инкорпорации Крыма. Но Россия уже great again, цель достигнута.

Возникает вопрос: а что, собственно, дальше? У власти нет ответа, и она даже не ставит перед собой этот вопрос, не видя в нем необходимости. Во-первых, после нескольких опытов написания стратегических программ, из которых лишь одна была в какой-то степени реализована (программа Германа

Грефа 2000 года), российское руководство отказалось от модернизационных проектов. Во-вторых, горизонт планирования нынешней власти с годами становится все короче: ключевые усилия сводятся почти исключительно к пополнению доходной части федерального бюджета и перераспределению расходов. В этом смысле в стране есть бюджетная политика, но нет политики экономической. В-третьих, идеология целеполагания не выстраивается: последняя попытка такого рода свелась к абстрактной идее «прорывов», которую массовая аудитория не восприняла.

А как обстоит дело с этим вопросом в обществе? Каким видится желаемое будущее людям разных политических взглядов? Насколько совпадают или различаются их представления о целях, которых желательно достичь, и о том, как к ним продвигаться? Может ли Россия развиваться в условиях государственного капитализма в экономике и авторитаризма в политике? И может ли она в принципе развиваться при Владимире Путине? А если перемены возможны, каким образом их реализовать?

В поисках ответов на эти вопросы мы провели несколько фокус-групп в Москве и Ярославле и поговорили отдельно:

- со сторонниками действующей власти («лоялисты»), выступающими за продление сроков Владимира Путина, — при отборе этой группы использовался только такой фильтр;
- с приверженцами левопатриотической альтернативы («традиционалисты»), чье мировоззрение зачастую сочетает левые и крайне правые взгляды: против нового срока, за государственное регулирование экономики и особый путь развития;
- со сторонниками либерально-рыночной альтернативы действующему курсу («либералы»), вы-

ступающими против нового срока, за рынок, демократию и ориентацию на Запад.

В обоих городах было проведено по три фокус-группы: по одной со сторонниками каждого из трех описанных политических курсов. Заранее разделив участников исследования на условных «лоялистов», «традиционалистов» и «либералов», мы хотели оценить, насколько отличаются их взгляды на желаемое для России будущее, в чем именно проявляются эти различия, есть ли общие установки относительно целей и путей развития страны у людей с разными политическими симпатиями.

Нас интересовали не точные распределения и проценты, но самые общие представления людей о проблемах, перспективах, возможных путях развития ситуации, а также язык, который люди использовали для описания собственной картины мира.

КЛЮЧЕВЫЕ ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. У властей нет ясной картины будущего, но и общество не слишком внятно формулирует свои пожелания, не говоря уже о способах достижения поставленных целей. В лоялистски и традиционалистски настроенных группах особенно слабо развито проективное мышление. В этом, помимо идеологических расхождений, их отличие от респондентов-«либералов», которые более четко описывают свои предпочтения и образ демократической свободной России, зачастую опираясь на ретроспективный эталон Российской Федерации ельцинской эпохи. Образцы будущего «лоялисты» и «традиционалисты» находят преимущественно в исторических прецедентах социалистического проекта.
2. Все участники фокус-групп отмечали неопределенность перспектив. При этом многие респонденты, несмотря на серьезные различия в политиче-

ских взглядах, пессимистически оценивали будущее России.

3. Даже те, кто голосовал за «обнуление» сроков полномочий президента, в большинстве НЕ являются горячими сторонниками Путина и возможные перемены связывают с его уходом. За Конституцию они голосовали сугубо механически и ритуально, считая своим долгом поддерживать предложения власти. Антипутинские настроения — это то, что зачастую объединяет (по разным мотивам, разумеется) «традиционалистов» и «либералов». Мотив усталости от президента, правящего страной уже более 20 лет, оказался преобладающим в настроениях участвовавших в фокус-группах респондентов: если перемены и начнутся, то, скорее всего, после ухода Путина.

4. «Лоялисты» и «традиционалисты»:

- предъявляют спрос на еще более существенное, чем при Путине, увеличение роли государства в экономике — вплоть до полной национализации всех предприятий;
- настаивают на продолжении интервенционистской внешней политики;
- ставят знак равенства между развитием страны и восстановлением советских территорий.

Для них характерна приверженность этатизму и патернализму в самых крайних и архаичных проявлениях.

5. Либеральный проект — это:

- компактное государство-арбитр, государство-сервис (как выразались респонденты, «государство — программное обеспечение»);
- свободная конкурентная экономика;

- независимый суд;
- дружелюбная бизнес-среда;
- честные конкурентные выборы;
- свободное гражданское общество, отделенное от государства;
- открытость миру.

Можно, конечно, оценить такую «программу» как декларативную. Но эти высказывания принадлежат не либеральным идеологам, а самым обычным гражданам России, которые к тому же всякий раз обосновывали свою точку зрения.

6. То немногое, что объединяет различные группы независимо от идеологических пристрастий, — это:

- идея социального государства, приходящего на помощь к незащищенным;
- позитивное отношение к малому бизнесу;
- накопленное раздражение бюрократией.

Респонденты на всех группах говорили о том, что можно и нужно принуждать власть работать и слушать людей.

7. Варианты транзита власти в представлении респондентов не слишком разнообразны. В основном все сводится к очередной операции «Преемник»: гражданам предлагают политика-наследника, они за него голосуют.

ОБЩЕЕ В ПОНИМАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ И ЦЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Участники всех групп в обоих городах, несмотря на различные идеологические установки, продемонстрировали удивительное единодушие в оценках основных проблем российского общества. По общему убеждению, основные российские проблемы — социально-экономические: рост цен и различных тарифов, низкие зарплаты, общее снижение уровня жизни, продолжающееся расслоение на богатых и бедных, потеря работы. Особенно все эти трудности обострились на фоне весенне-летнего коронавирусного карантина.

Карантин и его последствия, по-видимому, особенно тяжело ощущались такими группами респондентов, как работники внебюджетной сферы, частные предприниматели, самозанятые. Работники бюджетных предприятий, напротив, говорили об относительной стабильности, индексациях, доплатах.

Участники каждой из шести групп жаловались на плохую экологию. Наше исследование подтвердило, что экологическая повестка в России связана прежде всего с местными проблемами (в отличие от Запада, где в последнее время в центре глобальной повестки стоит изменение климата). Респонденты говорили об утилизации мусора, вывозе отходов из столицы в другие регионы, отсутствии раздельного сбора отходов; жаловались на загрязнение воздуха и плохое качество водопроводной воды.

Обо всех вышеперечисленных проблемах говорили как противники власти слева и справа, так и «лоялисты». Однако наблюдалась определенная специфика. Так, недовольные левые и даже некоторые сторонники президента жаловались на «отсутствие сильной власти», упадок промышленности и сельского хозяйства; недовольные «патриоты» — на проблемы

в армии, излишнюю мягкость в отношении Запада; «либералы» — на установление диктатуры, плохие отношения с Западом, утечку мозгов, технологическую отсталость страны и проигранную международную конкуренцию. «Традиционалисты» и «либералы», по сути, вступили в заочную полемику друг с другом. Первые считали, что сегодня в России «слишком много можно», «за деньги все позволено»; вторые, напротив, сетовали на то, что «все запрещено» и «ничего нельзя».

Можно выделить некоторые общие моменты в представлениях людей разных идеологических направлений. По общему убеждению, государству необходимо сделать «акцент на человеке»: поставить в центр государственной политики простых людей, их нужды и проблемы.

Для этого «власть должна слушать народ», делать то, что нужно людям. Однако этого как раз и не происходит; разница между группами по этому вопросу лишь в том, готовы ли они возложить ответственность на президента (как делают его критики) или склонны оправдывать его (как это делают лоялисты). По общему мнению, люди имеют право говорить власти о существующих проблемах и даже пытаться принудить чиновников к исполнению их обязанностей. Наиболее эффективным средством для этого считаются различные коллективные публичные акции — от обращений и петиций до массовых протестов.

При этом конечной целью таких акций видится не смена власти или конкретного чиновника (в возможность такого исхода событий верят немногие), а принуждение действующей бюрократии к работе, выполнению своих функций; депутатов и губернаторов — к исполнению предвыборных обещаний. Наверное, не будет преувеличением сказать, что в российском обществе — по крайней мере в его городских слоях — сложился запрос на иное качество власти, на подотчетность чиновника обществу.

Такой запрос часто ассоциируется с либеральными установками, но на деле оказывается гораздо шире. У либерально настроенных граждан он лучше артикулирован, но его также демонстрировали и «традиционалисты», и лояльные власти участники фокус-групп. Слова о необходимости большей демократии, свободы, подотчетности чиновников звучали на каждой группе, вне зависимости от политических взглядов респондентов. Эти термины понимаются прежде всего как свобода от ограничений и прессинга власти («чтобы нам не диктовали»), как право свободно и открыто высказывать свое мнение и претензии чиновникам, не опасаясь преследований и задержаний. Так называемая «свобода без последствий».

Свобода также часто понималась респондентами как доступность социальных благ, например возможность выбрать хорошую школу, образовательные курсы для ребенка. Для многих это недоступно, потому что дорого. Свобода — это и бесплатное дополнительное образование. Как свобода понимается и возможность купить себе то, что хочется. Подобная трактовка была характерна прежде всего для «традиционалистов», но у опрошенных «лоялистов» и «либералов» такое понимание свободы тоже не вызывает отторжения. Это не столько гражданское, сколько потребительское истолкование своих прав.

Многие участники исследования, в том числе люди с либеральными взглядами, говорили о желательности и даже необходимости государственных гарантий. Респонденты жаловались на недостаточную поддержку государства в целом и в связи с эпидемией коронавируса в частности. Большинство участников групп, в том числе сторонники левых убеждений, говорили о недостаточной поддержке малого бизнеса, мелких предпринимателей, условных «мелких лавочников».

РАЗЛИЧИЕ В ЦЕЛЯХ И ПОДХОДАХ К ИХ ДОСТИЖЕНИЮ

При всем единодушии в оценках социальных проблем участники фокус-групп значительно разошлись во взглядах на пути их решения. Серьезные разногласия обнаружились и по вопросу о роли государства. При этом «лоялисты» и «традиционалисты» в равной степени выступали за усиление позиций государства, расширение сфер государственного регулирования. Ответы «традиционалистов» разве что казались более экстремальными: они чаще говорили о необходимости резкого увеличения социальной помощи от государства и усиления его экономической экспансии. Содержательную альтернативу в этом вопросе продемонстрировали только «либералы», которые последовательно выступали за ограничение государства.

Сторонники государственного регулирования выступали за национализацию крупных предприятий, которые «нужно отнять у олигархов», и ратовали за «государственный контроль энергетики и основных сфер экономики». Также, по их мнению, необходимо повысить налоги на крупный бизнес, который «надо заставить платить»; «тряхнуть олигархов» и ввести прогрессивную шкалу налогообложения. Такая политика явным образом находит поддержку. Эффективность жесткой государственной экспансии и ее долгосрочные негативные последствия для экономики при таком разговоре выносятся за скобки. Сторонниками массированного регулирования движет надежда на быстрое перераспределение доходов от небольшой привилегированной касты «чиновников и олигархов» в пользу широких слоев населения.

Многие «лоялисты» и «традиционалисты» сходились на том, что было бы желательно ужесточить наказание за уход от налогов, за коррупцию — вплоть до расстрелов и отрубания рук («как в Китае»). Среди представителей этих двух идеологических лагерей было много сторонников пресловутой «сильной руки»

и «сталинских методов» управления страной. Среди участников с либеральными убеждениями таковых не оказалось, для них «сильная рука» и сталинизм четко ассоциируются с репрессиями, нарушениями базовых прав и свобод граждан. Следует оговориться, что в представлении большинства «лоялистов» и «традиционалистов» «сильная рука», «железный сталинский кулак» и ужесточение наказания совсем не исключают демократии: «Золотая середина все-таки должна быть. И контроль, и чтобы человек что-то мог сам делать, планировать свою жизнь». Жесткие меры — это в первую очередь для олигархов, коррупционеров и бюрократов, а также внешних недоброжелателей России. Напротив, для обычных людей, «для народа» нужны демократия, свобода и «забота о человеке»: «жить в страхе не хочется», «куда уж больше контроля — и так камеры везде».

О каких-либо изменениях во внешней политике «лоялисты» и «традиционалисты» практически не упоминали, их более или менее устраивает сложившаяся ситуация: Россия уже вернула себе статус великой державы, с ней считаются, разве что в некоторых моментах можно было бы действовать и пожестче. Другое дело, что следует заняться внутренней повесткой, здесь порядка еще недостаточно.

Иногда не очень понятно, в чем, собственно, состоят претензии «традиционалистов» к Путину: он вполне последовательно реализует их «программу», которая сводится, как мы отметили, к максимальному присутствию государства в политике и экономике. Но группы сторонников «обнуления» настаивают на еще большей экспансии государства — в масштабах советской, даже, скорее, сталинской, из 1930-х годов матрицы: «государство должно вернуться»; «вернуть заводы»; «развивать тяжелую промышленность»; «не хватает идеологии»; «я бы вернул комсомол»; «все заводы должны быть государственные, поля — колхозные»; «у нас должно быть госпланирование»; «в нашем государстве без сильной руки никак».

Мотив возвращения государства-спасителя, которое стоит на пути у частных собственников, ущемляющих общественные интересы, Путин успешно эксплуатировал в конфликтной ситуации вокруг горы Куштау. В августе 2020 года экологические активисты провели серию протестов против разработки Башкирской содовой компанией сопки Куштау (притом что разрешение было дано главой Башкортостана Радием Хабировым). Подавление протеста властями привело к усугублению конфликта. Неожиданно на сторону протестующих встал Владимир Путин, который связал проблему с тем, что Башкирская содовая компания из государственной превратилась в частную: «У государства было 62%, а внезапно стало 38%. И как результат — приоритеты работы компании резко изменились. <...> Не похоже, что целью акционеров сегодня является долгосрочное развитие этой компании, похоже на другое — на выкачивание средств любой ценой и в как можно большем объеме»².

Восстановление бывших имперских (советских) территорий тоже приравнивается к развитию страны, причем иной раз с экзотическими и курьезными мотивациями: «Надо вернуть Северный Казахстан, потому что там Чапаев погиб». В диалоге с модератором фокус-группы респондент четко формулирует имперскую модель развития России:

« — Мне почему-то кажется, что через 15 лет к нам еще добавятся... либо какие-то государства захотят к нам — так же, как Украина, скажем, какая-то часть идет. Я думаю, что больше будет.

Модератор:

— Россия будет больше по размеру? Именно размер имеете в виду?

— Да, именно территориально — кто-то захочет к нам присоединиться».

Величие России по-прежнему связывается с территориальным могуществом и жесткой внешней политикой. Хорошо, что «возвращали территории свои», «стали диктовать свои условия другим странам», «мы можем перечить Америке». Путин правильно делает, что сосредоточивается на внешнеполитических вопросах, и это отчасти оправдывает его недостаточную эффективность в политике внутренней: он «сумел поставить страну, чтобы ее уважали»; «там есть какие-то внешние враги, что если работать только на внутреннюю политику, то глобально съедят нас».

«Либералы», в отличие от двух других лагерей, видят решение общественных проблем в ограничении государства. Его роль в том, чтобы «установить правила игры», обеспечить равенство перед законом и правосудие, гарантировать безопасность, облегчить участь бедных и нуждающихся:

«Абсолютно никакого контроля не надо. Функция государства исключительно как у программного обеспечения»; «Уменьшить количество государства в принципе. Чиновников должно быть меньше, государства должно быть меньше. Государство должно регулировать только то, что необходимо. Армия — это государство. Помощь бедным — это государство»; «Сейчас нас объединяет Владимир Владимирович Путин с внешней угрозой. А конечно, должно объединять стремление к правовому государству».

Необходима реформа судебной системы, обеспечение независимости российских судов от исполнительной власти. Например, звучали идеи о том, чтобы заимствовать английское право и английскую судебную систему, как это было сделано в Сингапуре.

В экономике государство должно «оставить в покое бизнес», «не душить бизнес налогами»; нужно

«дать людям возможность зарабатывать», «проявить инициативу». А для этого государство должно обеспечить защиту частной собственности, в том числе «честный суд для бизнеса и людей». Многие отмечают связь политики и экономики: «Выбор и реализация своих свобод и прав повышает уровень жизни. И чем выше степень свободы, тем выше уровень жизни».

«Либералы» выступают за борьбу с монополиями (такими, как Газпром, «Роснефть» и Сбербанк), за приватизацию крупных предприятий. Конечная цель видится в повышении уровня конкуренции. В этом случае на первый план выходит вопрос об эффективности предприятий, обеспечении долгосрочного и устойчивого роста экономики. О перераспределении доходов речи не идет.

В политике, по мнению «либералов», также необходимы конкуренция и плюрализм, регулярная ротация власти (а не монополия на власть, как сейчас), которые обеспечиваются за счет многопартийности, свободных и честных выборов. Для этого необходимы антикоррупционные расследования, свободные и независимые от государства СМИ. В отличие от двух других идеологических групп, «либералы» выражали недовольство внешней политикой. По их мнению, с внешним миром, с Западом нужно дружить, вести менее агрессивную политику, перенимать и совместно развивать технологии, участвовать в международной конкуренции.

Однако в том, что касается социальной сферы, взгляды «либералов» во многом совпадали с позицией двух других идеологических групп. Большинство сходилось во мнении, что социальных обязательств перед гражданами у российского государства должно быть больше, а не меньше. Схожим образом, как мы уже отмечали, все участники фокус-групп, в том числе сторонники национализации крупных предприятий, требовали улучшения условий работы малого бизне-

са, мелких частных предприятий, магазинчиков, кафе, лавочек и личной инициативы в целом. Все, даже противники государственного регулирования, приветствовали бы расширение помощи и субсидий для ма-

лого бизнеса, снижение налогов, особенно в условиях пандемии. Преобладало мнение, что оказанная государством помощь малому бизнесу в связи с карантинном весной — лета 2020 года была недостаточна.

ТАБЛИЦА 1
Представления о роли государства в экономике

	Расширение государственного регулирования, национализация крупных предприятий, налоги на крупный бизнес и проч.	Поощрение мелкой деловой инициативы, помощь пострадавшим предпринимателям, самозанятым	Социальная поддержка населения, льготы, субсидии и проч.
«Лоялисты»	+	+	+
«Традиционалисты»	+	+	+
«Либералы»	-	+	+

ТАБЛИЦА 2
Представления о власти

	Раздражение по поводу бюрократии	Поддержка Путина	Поддержка низовой демократии: «власть должна слушать людей», «люди имеют право указать власти на проблему»	Нужна «сильная рука»
«Лоялисты»	+	+	+	+
«Традиционалисты»	+	-	+	+
«Либералы»	+	-	+	-

ТРАНЗИТ ВЛАСТИ: «ШИЛО НА МЫЛО»

Участники всех шести групп крайне негативно, чтобы не сказать злобно, оценивали чиновников, бюрократию, представителей власти, «Единой России». По общему мнению, «сейчас их время», в России хорошо живут те, «кто у власти», «кто у кормушки». В этом уверены даже относительно довольные жизнью «лоялисты». Респонденты сошлись во мнении, что «чиновники озабочены только своими проблемами», «забыли о народе», «до власти не достучаться», а «народ надо слушать».

Различия наблюдались только в отношении к Владимиру Путину лично. «Либералы» и «традиционалисты» считают его ответственным за проблемы. «Лоялисты» по-прежнему склонны оправдывать президента, отделять его фигуру от государственной бюрократии. Снова и снова воспроизводится известная логика «хороший царь (Путин), плохие бояре (его окружение)»: «А он-то [Путин] что виноват — он не может за всеми уследить одновременно»; «он не может разорваться [между внешней и внутренней политикой]»; «если работать только на внутреннюю политику, то глобально съедят нас». «Про-

блема-то не в Путине», — любят приговаривать его сторонники.

Однако и в лоялистской среде прозвучало много критики в адрес президента, особенно в Москве: он не контролирует ситуацию, распустил свое окружение, не успевает во всем разобраться.

Безальтернативность Путина — это, пожалуй, главная политическая аксиома для большинства российских граждан («больше некому», «нет преемников», «альтернативы нет», «А то, что обнулился он — ну, обнулился. Захотят — выберут. А с другой стороны, а кого еще?»). Безальтернативность не подвергается сомнению и не обсуждается. Именно поэтому «обнуление» сроков президента было воспринято совершенно спокойно, как нечто естественное и нормативное. Кроме того, при всех серьезных претензиях к Путину он квалифицируется как гарант достижений последних лет: без него, как обеспокоенно заметил участник фокус-группы, «отберут Крым».

Голосование за Конституцию в представлении респондентов — это «снятие висящего вопроса», кто будет править Россией, и «укрепление суверенитета России» (понятие, которое воспринимается как нормативная необсуждаемая установка). Именно поэтому даже недовольные президентом послушно голосовали на референдуме.

Кроме того, многих участников фокус-групп вполне устраивает зафиксированный в Конституции традиционалистский идеологический каркас, основанный на особой российской духовности, противопоставляемой западной бездуховности, где «все костелы в кафе переделали». Усилия государственной пропаганды достигают результата. Вот симптоматичная реплика респондента: «Еще такой момент: я слышала, что предыдущую Конституцию нам вообще американцы писали, так что и правильно, что

кучу поправок внес Путин. И эти поправки к Конституции дают то, что мы некоторые вещи, которые Страсбургский суд и еще некоторые суды [принимают] — мы можем их игнорировать».

От самого Путина перемен, похоже, не ждет уже никто — ни критики, ни сторонники, многие из которых просто боятся изменений; в их представлении они связаны с возможным ухудшением жизни, разрушением статус-кво. Критики режима хотели бы перемен, но говорят, что «при Путине другого не будет», «зачем людям у кормушки что-то менять?».

При этом даже большинство самых последовательных критиков президента уверены, что он «досидит до конца срока» (текущего), «сам власть не отдаст», так как это не выгодно ни ему самому, ни его окружению. А вот по следующему сроку нет окончательной уверенности. Респонденты допускают, что в 2024 году Путин может не пойти на выборы — в случае если экономическая ситуация будет ухудшаться.

По общему представлению, правила транзита, когда бы он ни случился, будут определять элиты, которые станут «драться за власть» или «между собой договорятся». Наиболее вероятным механизмом передачи власти респонденты называли назначение преемника. Споры разгорались лишь по поводу того, кто именно этого преемника назначит — Путин лично или его окружение. Сценарии «революции», «народного восстания», «переворота» иногда звучали в группах сторонников традиционалистских и либеральных идей, однако воспринимались как маргинальные. По общему убеждению, обычные граждане вряд ли смогут повлиять на процесс передачи власти, им отведена роль статистов. Элиты просто поставят граждан перед свершившимся фактом, и это воспринимается как неизбежность. Однако у «либералов» есть надежда, что активное гражданское общество и «улица» смогут хотя бы немного повлиять

на расклад сил наверху, укрепить позиции «либеральной части элит». Но не более того: «эти бунты

могут породить раскол в элите... шило на мыло, но все равно».

ТАБЛИЦА 3
Представление о транзите

	Оценка текущей ситуации	Желательность перемен	Перемены возможны при Путине	Условия транзита будут определять элиты
«Лоялисты»	+/-	-	-	+
«Традиционалисты»	-	+	-	+
«Либералы»	-	+	-	+/-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги исследования и обозначим его ключевые моменты.

1. От Путина перемен не ждут, правила транзита будут определять элиты. Тем не менее общее недовольство бюрократией, готовность добиваться от власти исполнения обещаний и социальных обязательств, представление о праве людей принуждать власть работать и слушать граждан обозначили возможность некоторого изменения отношений власти и общества — даже в условиях сохранения общего каркаса путинского режима.

2. Для большинства респондентов характерно специфическое понимание справедливой политики: для олигархов и бюрократов — «сильная рука»; для народа — свободы и демократия; национализация крупных предприятий, но при этом развитие мелкой частной инициативы (с последним соглашаются все группы). «Либералы» при этом говорят про приватизацию, демонополизацию и дерегулирование на национальном уровне, но на низовом уровне вполне одобряют льготы, субсидии, господдержку для обычных людей. Формируется образ социал-либеральной системы с рыночной конкурентной экономикой, демокра-

тическим режимом, но и в то же время социально состоятельным государством, приходящим на помощь к социально незащищенным. В целом существует общий для всех групп запрос на социальное и при этом справедливое государство, допускающее частную инициативу³.

3. Фокус-группы в Москве и Ярославле хорошо представили основные установки городских средних слоев. Принятые критерии набора респондентов дали неожиданный результат: различие тех, кто за или против «обнуления» президентских сроков Путина, оказалось несущественным, а различие сторонников госрегулирования и сторонников рынка — радикальным. Различие между жителями столицы и относительно небольшого города было не слишком значительным, при этом среди либералов и в Москве, и в Ярославле — минимальным.

4. Голосование за продление полномочий действующего президента и поддержка Путина — не одно и то же. Голосовавшие на референдуме «за» делали это, следуя модели законопослушного поведения; московские сторонники «обнуления» высказывались о Путине весьма критически, однако они поддерживали «обнуление» по известному мотиву «Если не он, то кто?». При этом почти никто из респондентов

будущее страны и решение ее накопившихся проблем с Путиным не связывает.

5. Безальтернативность Путина, при всем критическом к нему отношении, в консервативно-традиционалистских группах оценивается и в прагматических терминах: он — вместе с армией — защищает страну от происков и возможной агрессии Запада во главе с США. И в этом смысле замены нынешнему президенту нет; в представлении «традиционалистов» Путин вынужден меньше внимания уделять внутренней политике и экономике именно потому, что его внимания требует внешняя политика.

6. Недовольство Путиным в разных идеологических группах выражается полярным образом. В представлении респондентов, которые сочетают левые, этатистские и имперско-националистические взгляды, Путин недостаточно радикален в своем традиционализме и не обеспечивает достаточную социальную поддержку населения. В представлении респондентов-«либералов» он является фактическим диктатором, подавляющим гражданское общество, оппозицию и рыночную экономику.

7. Программа «традиционалистов» — полное огосударствление экономики; «раскулачивание» олигархов; расширение границ России путем присоединения бывших территорий СССР; противостояние Западу при убежденности в агрессивных намерениях, прежде всего США; еще более жесткая внешняя политика. Программа «либералов» — раскрепощение экономики, поддержка политических свобод, политической и экономической конкуренции, ротация власти.

8. Экономическая ситуация считается очень плохой. В представлении большинства респондентов в этом виноваты чиновники. Тактика улучшения экономической ситуации, согласно программе «традиционалистов», состоит в борьбе с коррупцией и оли-

гархами, стратегия — в возвращении всей крупной промышленности в собственность и управление государства, возрождении сельского хозяйства (например, парадоксальным образом, путем повсеместного восстановления колхозов); в облегчении жизни для масс («традиционалисты» имеют в виду рост зарплат и пенсий, бесплатное здравоохранение и образование). Будет ли это все делать Путин, уверенности нет. Надежд на правительство, в частности на его нынешнего председателя Михаила Мишустина, нет.

9. Респонденты нередко обнаруживали спрос на новые лица в политике. Характерно, что почти вне зависимости от политических взглядов сочувствие и интерес вызывает арестованный экс-губернатор Хабаровского края Сергей Фургал; он оценивается как политик, который в своей деятельности защищал интересы народа.

10. Парадоксальным образом именно либеральную группу, хотя и не всех ее представителей, отличает проактивное отношение к будущему, вера в то, что с помощью определенных шагов по либерализации экономики и политики можно добиться успеха. Эта группа чаще других оценивала общественную и протестную активность как потенциально эффективную. Совершенно очевидно, что и в повседневной жизни, и в работе именно либерально ориентированные граждане гораздо более активны и конструктивны, менее депрессивно и патерналистски настроены, чем сторонники «обнуления» и «традиционалисты».

11. Объединяющими для идеологических групп стали позитивное отношение к развитию инновационных технологий и малому бизнесу, а также символическая ценность России как родины. Представители всех лагерей нередко сходятся в поиске образцов эффективного развития для России: часто называются Канада, Швеция, Швейцария, Германия как эталоны справедливости и экономической продуктивности. «Традиционалисты» и сторонники Путина ча-

сто называют в качестве идеальной модели Китая: их привлекает сочетание жесткого порядка с экономической эффективностью. Общим является негативное отношение к паразитической бюрократии, чиновничеству. Всем группам также свойственно сознание, что инструментов воздействия на власть у общества нет — совсем или почти. В обоих лагерях почти ни у кого нет уверенности, что массовыми выступлениями, как в Хабаровске, можно добиться серьезных результатов.

12. Большинству участников фокус-групп нелиберальной ориентации свойственно прецедентное мышление: развитие России видится им примерно таким же, какое оно есть сейчас, Путин безальтернативен, а его потенциальный уход представляется как очередная операция «Преемник». Будущий механизм передачи власти (при том что многие убеждены, что «обнуленный» президент будет занимать свою позицию долго) большинство респондентов во всех группах видят как выбор Путиным преемника; революцию, переворот, заговор элит они не рассматривают как реалистичные сценарии; преемник в представлении многих теоретически может как инициировать перемены, так и просто продолжать политику Путина (это доминирующее мнение). Разнообразные варианты возможного транзита, в том числе движение от авторитаризма к демократии, более активно обсуждаются либерально настроенными респондентами.

ОБ АВТОРАХ

Денис Волков — заместитель директора Левада-Центра.

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги.

Алексей Левинсон — руководитель отдела социокультурных исследований Левада-Центра.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Указ о национальных целях развития России до 2030 года. — Президент России. — 21 июля 2020 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/63728>.
- 2 Путин потребовал разобраться в ситуации с Башкирской содовой компанией / РИА Новости. — 26 августа 2020 года // <https://ria.ru/20200826/kushtau-1576343771.html>.
- 3 Это наблюдение коррелируется с выводами нашего количественного исследования 2018 года: для своих детей и внуков россияне выбирают среду, комфортную для ведения частного бизнеса и проявления частных инициатив (см. *Колесников А., Волков Д.* Новая русская мечта: частная собственность для детей. — Московский Центр Карнеги. — 20 ноября 2018 года // <https://carnegie.ru/2018/11/20/ru-pub-77744>).

Московский Центр Карнеги благодарит Carnegie Corporation of New York за поддержку при подготовке публикации.

© Фонд Карнеги за Международный Мир, 2020

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организации не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.